

Любовь Александровна КОЧКИНА живет в нашем поселке более 60 лет. В июле этого года ей исполнилось 89 лет. Награждена почетным знаком «Жителю блокадного Ленинграда», имеет почетные звания «Труженик тыла» и «Ветеран труда». Ее семья — одна из немногих, сумевших пережить первую блокадную зиму, имея только иждивенческие карточки. Сегодня Любовь Александровна делится воспоминаниями о военном детстве в блокадном городе и в эвакуации.

О начале войны узнали за обедом

«Когда я родилась, наша семья жила в доме у Пяти углов, в Чернышёвом переулке (сейчас — улица Ломоносова). Это была небольшая по тем меркам коммунальная квартира на три семьи, — вспоминает Любовь Александровна. — Папа, Александр Семенович Семенов, трудился мастером цеха на заводе Марти (сейчас — Адмиралтейские верфи). А мама, Анна Егоровна, не работала, воспитывала детей: мою старшую сестру Киму, меня и младшего брата, который родился за два года до начала войны».

В 1941 году Любе было уже 12 лет, и она прекрасно помнит начало войны. «В тот день мы собирались на дачу. Кима сдавала экзамены за 9-й класс, и в то воскресенье мы ждали ее из школы. Семья готовилась к раннему обеду, и тут по радио передали выступление Молотова. Отца почти сразу вызвали на завод».

Пока ходили трамваи, Александр Семенович изредка возвращался домой. Но в конце ноября 1941 года перестал приезжать. Перед Новым годом Анна Егоровна с Кимой поехали к нему и нашли его совершенно изможденным — он еле стоял на ногах. Как они смогли привезти его домой, Любовь Александровна даже не представляет.

«Папа умер от голода 25 февраля 1942 года, — продолжает Любовь Кочкина. — Мы остались четвером с иждивенческими карточками. Спасались тем, что за золото и посуду удавалось что-то купить на Кузнечном рынке. Менять вещи на хлеб туда ходили даже дети. Подспорьем для нашей семьи был собранный мамой до военный запас мыла, соли

Нам везло на отзывчивых и неравнодушных людей

и спичек. Их мы не меняли, а мыло спасало нас от вшей. Раз в неделю мы могли согреть немного воды и помыться. Воду получали больше из снега, а не брали из проруби находящейся рядом Фонтанки. Буржуйку топили сначала собственным запасом дров, затем в ход пошла дубовая мебель — шесть стульев и стол».

От голодной смерти спасла «заморская» икра

По словам Любви Александровны, от обстрелов и бомбежек они не пряталась. «Пока папа был жив, мы ходили в подвал нашего дома, где было бомбоубежище, — поясняет она. — А когда его не стало, нам, наверное, стало всё равно. Да и сил уже не было. В конце февраля 1942-го я сама слегла и уже не поднималась. Спас меня наш сосед. Уж не знаю, где он работал, но у него всегда была баклажанная икра. На свой собственный крошечный кусочек хлеба он накладывал несколько ложек этой икры и буквально запихивал в меня силой. Я выжила, но с тех пор баклажанную икру не ем».

В апреле Киму взяли на работу в типографию, мама смогла устроиться надомницей — шить рукавицы с одним пальцем для стрелков. А Люба вернулась к учебе в школе №30: «Там нас кормили: давали суп и кусочек хлеба».

Однако в августе 1942 года Анна Егоровна решила, что все-таки надо эвакуироваться. У ее сестры, Марины Егоровны, дочка жила в Горьком (сейчас — Нижний Новгород), и две семьи решили уехать туда.

«Мама и тетя оформили документы в исполкоме, — поясняет Любовь Кочкина. — На Финляндском вокзале нас накормили пшенной кашей, выдали сухой паек — хлеб и колбасу. Когда мы перебрались через Ладогу, нам выделили на три семьи товарный вагон». Среди попутчиков оказался мужчина — татарин, сыгравший решающую роль в их эвакуационной судьбе. Два эшелона перед ними разбомбили, и возможно, поэтому поезд изменил маршрут и пошел на Алтай.

«Как бы мы жили в эвакуации на Алтае, не знаю. Но нам повезло, что наш попутчик посоветовал сойти с ним в Набережных Челнах, добраться до города Мензелинск, а там проситься в деревню Топасево. Это была чисто татарская деревня. Мама сделала так, как он ей посоветовал. Он же нам помог покинуть эшелон и купить билеты на пароход».

В эвакопункте сначала удивились просьбе о направлении именно в Топасево. Потом выяснили, что там никого из эвакуированных нет, и отправили туда

сколько сделать вызов в Ленинград было некому. Анне Егоровне посоветовали оформиться на работу в Опочке и тогда уже ехать в Ленинград.

Они так и поступили: старшую Семенову оформили в местную парикмахерскую уборщицей. Она уехала, а работать за нее осталась 16-летняя Люба. Постепенно ее стали учить парикмахерскому мастерству, и она даже проработала какое-то время мужским мастером.

Тем временем, Анне Егоровне пришлось начинать в Ленинграде всё сначала. Комнату в Чернышёвом переулке заняли чужие люди. Но ей удалось устроиться в домоуправление в Дровяном переулке и получить крошечную восьмиметровую комнатку. Вслед за мамой вернулись Кима — ее оформили паспортисткой. Затем туда уехал младший брат, и самой последней, в 1947 году, вернулась Люба.

«На момент возвращения всё мое образование составляло 5 классов, и то с учетом, что в Опочке я училась в вечерней школе, — говорит Любовь Александровна. — Тем не менее, я смогла устроиться на работу в типографию, работала и продолжала учиться, смогла окончить 8 классов».

В 1951 году она вышла замуж за Петра Павловича Кочкина — матроса-подводника, который остался в Ленинграде на сверхсрочную службу. Они оба поступили в техникумы: Любовь Александровна — в торговый, Петр Павлович — в кораблестроительный, на судомеханический факультет.

«Муж изначально работал по специальности, а я ушла в торговлю. Сначала работала официанткой в студенческой столовой Педагогического института имени Герцена, потом буфетчицей на Московском вокзале, а после получения образования — в магазинах», — объясняет Любовь Кочкина.

Молодая семья арендовала комнаты в разных районах, а в 1956 году мичману Петру Павловичу командование выделило дом в Военно-морском городке посёлка Песочный. Едва они обустроились, как Петра Кочкина отправили служить на Камчатку.

«Там мы пробыли всего год — именно столько мужу оставалось до положенных 25 лет, после которых можно оформить военную пенсию, — поясняет Любовь Александровна. — В 1958 году мы вернулись в собственный дом в Песочный».

Сегодня Любовь Александровна, несмотря на преклонный возраст, ведет активный образ жизни: принимает участие практически во всех мероприятиях Общества жителей блокадного Ленинграда посёлка Песочный, ездит на экскурсии, участвует в субботниках, с удовольствием ходит на концерты и лекции в поселковую библиотеку.

Ксения КИРИЛЛОВА

С мужем, Петром Павловичем Кочкиным, 1957 г.

Анну Егоровну с тремя детьми и ее сестру.

«Первую ночь мы провели у председателя колхоза, — рассказывает Анна Александровна. — Потом для нас нашли пустующий дом. Маму тут же определили работать на свиноферму, и она добилась, чтобы ей привезли соломы, застелила ею пол, откормила животных, полностью взяла всю заботу о них на себя».

Вообще, к нам было удивительное отношение. Уже с утра на следующий день после приезда к нам потянулись с подарками — кто с дровами, кто с молоком, кто с курами, подарили даже маленькую козу. И пусть она давала только кружку молока, но оно было свое».

В эвакуации Любовь Александровна помогала маме на ферме, косила, веяла пшеницу, молотила горох, пасла телят. А местные жители всё время старались ее дополнительно подкормить. «Топасевцы помогли мне и через много лет после войны, — поясняет Любовь Кочкина. — Только благодаря их подтверждениям и ходатайству я получила статус «Труженик тыла»».

Домой попала только через два года после Победы

После окончания войны мамина сестра, Марина Егоровна, решила уехать в город Опочку Псковской области, где у нее был дом. Семья Семеновых поехала вместе с ней, по-

Семья на даче в Суйде.

Справа налево: отец — Александр Семенович Семенов, Любовь Александровна (ей лет 9), мать — Анна Егоровна и старшая сестра Кима